

Содержание

Авторский коллектив · 7

1. Введение *Ларри Нил* · 9
2. Вавилон в I тысячелетии до нашей эры — экономический рост в имперский период
Михаэль Юрса · 41
3. Капитализм и древнегреческая экономика
Ален Брессон · 67
4. Реконструируя экономику Древнего Рима
Виллем Йонгман · 109
5. Трансазиатская торговля, или Критика идеи Шелкового пути (древность и Средневековье)
Этьен де ла Весьер · 143
6. Китай до капитализма *Р. Б. Вонг* · 175
7. Индийский капитализм в продолжительном периоде
Тиртханкар Рой · 229
8. Институциональные изменения и экономическое развитие на Среднем Востоке, 700–1800 годы
Шевкет Памук · 265
9. Рынки и принуждение в средневековой Европе
Карл Гуннар Перссон · 307
10. *Via italiana* к капитализму *Лучано Пеццоло* · 363
11. Нижние Земли *Оскар Гельдерблом и Йост Йонкер* · 423
12. Сравнение процессов формирования государств и перехода к новой экономике в Англии, Европе и Азии *Патрик Карл О'Брайен* · 477
13. Капитализм и зависимость в Латинской Америке
Ричард Сальвуччи · 537

14. Возникновение африканского капитализма
Мортен Джервен · 575
15. Коренные американцы и обмен: стратегии
и взаимодействие до 1800 года *Энн Карлос*
и *Фрэнк Льюис* · 607
16. Британская и европейская индустриализация
Ч. Ник Харли · 653
17. Америка: земля обетованная для капитализма
Джереми Атак · 709
18. Политическая экономия развивающегося
капитализма *Хосе Луис Кардозо* · 759

Авторский коллектив

- ДЖЕРЕМИ АТАК — заслуженный профессор экономики и истории, Университет Вандербильта.
- АЛЕН БРЕССОН — профессор классического факультета Университета Чикаго.
- ЭТЬЕН ДЕ ЛА ВЕСЬЕР — профессор Практической школы высших исследований, Париж.
- Р. Б. ВОНГ — профессор истории и директор Института Азии Калифорнийского университета.
- ОСКАР ГЕЛЬДЕРБЛОМ — ассоциированный профессор, факультет истории Утрехтского университета.
- МОРТЕН ДЖЕРВЕН — ассоциированный профессор Школы международных исследований Университета имени Саймона Фрезера.
- ВИЛЛЕМ ЙОНГМАН — ассоциированный профессор исторического факультета Университета Гронингена.
- ЙОСТ ЙОНКЕР — ассоциированный профессор экономики и социальной истории Утрехтского университета.
- ХОСЕ ЛУИС КАРДОЗО — профессор-исследователь Института социологии Лиссабонского университета.
- ЭНН КАРЛОС — профессор экономики и истории Университета Колорадо.
- ФРЭНК ЛЬЮИС — профессор экономики Университета Куинз, Кингстон, Онтарио, Канада.
- ЛАРРИ НИЛ — заслуженный профессор экономики Университета Иллинойса Урбана-Шампейн и Лондонской школы экономики.
- ПАТРИК КАРЛ О'БРАЙЕН — профессор мировой истории экономики Лондонской школы экономики.
- ШЕВКЕТ ПАМУК — заведующий кафедрой современных исследований Турции Европейского института Лондонской школы экономики.
- КАРЛ ГУННАР ПЕРССОН — заслуженный профессор экономики Копенгагенского университета.
- ЛУЧАНО ПЕЦЦОЛО — ассоциированный профессор факультета гуманитарных наук Венецианского университета.
- ТИРТХАНКАР РОЙ — профессор истории экономики Лондонской школы экономики.
- РИЧАРД САЛЬВУЧЧИ — профессор экономического факультета Университета Тринити, Сан-Антонио, Техас.
- ДЖЕФФРИ УИЛЬЯМСОН — заслуженный профессор экономики Гарвардского университета (именная должность, утвержденная Лэрдом Беллом).
- Ч. НИК ХАРЛИ — профессор истории экономики Оксфордского университета.
- МИХАЭЛЬ ЮРСА — профессор ассириологии Венского университета.

1

Введение

ЛАРРИ НИЛ

СОДЕРЖАНИЕ

Концепции капитализма · 13

Подъем капитализма

в примерах · 20

Литература · 38

БЛАГОДАРЯ современному экономическому росту, который определяется как непрерывный рост дохода на душу населения при увеличении численности населения (Kuznets 1966), уровень благосостояния стал выше и коснулся он большего числа людей на планете, чем можно было себе представить когда-либо до начала этого экономического роста. Более того, он начался не так давно, вероятно, уже в середине XIX и определенно не раньше конца XVII века. Когда современный экономический рост возник среди нескольких народов и современный капитализм начал приобретать свои характерные черты, в этот же момент начала появляться разница в богатстве народов. Капитализм одновременно и формировал структурные изменения, необходимые для поддержания современного экономического роста до настоящего времени, и реагировал на них. Более высокий уровень жизни, которым сопровождался современный экономический рост, стимулировал попытки повторения достижений Великобритании и США, которые первыми достигли успеха. Однако очевидные лишения, которым ранний капитализм подверг существовавшие в то время общества, оттолкнули от него другие общества. Кроме того, связь между капитализмом и современным экономическим ростом на ранних этапах увидеть было сложно. Поэтому начиная со второй половины XIX века распространение как современного экономического роста, так и капитализма происходило рывками и неравномерно.

Даже по мере того, как благотворный эффект современного экономического роста становился все более заметен в ведущих промышленных странах, распространение

капитализма в других странах сдерживалось местными социальными, политическими и культурными условиями, как показано во втором томе «Распространение капитализма».

Тем не менее все вместе эти очерки свидетельствуют о том, что капиталистическая система координирования экономической деятельности с помощью сигналов рынка, направляемых всем его участникам, была основной причиной материальных успехов, столь очевидных во всем мире к началу XXI века. Но когда мы определяем капитализм как экономическую систему, которая генерирует современный экономический рост, возникает вопрос, может ли сохраняться продолжающийся рост дохода на душу населения и, следовательно, может ли сохраняться капитализм как экономическая система. Это вопросы, которые рассматриваются в очерках второго тома.

Однако в очерках второго тома не рассматривается вопрос: «Почему капитализму и современному экономическому росту потребовалось так много времени для того, чтобы начаться?». На этот вопрос стараются ответить очерки первого тома, «Подъем капитализма». Их ответ в основном заключается в том, что было трудно, очень трудно, скоординировать различные факторы, необходимые для строительства и поддержки постоянных поселений, хотя такие усилия обычно повышали доход на душу населения (что экономисты называют «интенсивным экономическим ростом»). Кроме того, было еще труднее в течение длительного времени поддерживать координацию в условиях происходивших одно за другим потрясений, возникавших по естественным причинам в результате как внешних событий, так и внутренних конфликтов. От чего бы проблемы ни возникали — будучи вызваны природными катастрофами, эпидемиями, военными поражениями или неудачами правителей — они имели общую черту: потерю результатов достигнутого ранее прогресса без закладывания фундамента для последующего восстановления. Поэтому красной нитью через очерки первого тома проходит стремление определить, какие черты современного капитализма присутствовали в каждое время и в каждом месте и, далее, почему различные предшественники капитализма не перенесли отката назад, а впоследствии продолжили рост и населения, и дохода на душу населения с предыдущих уровней.

КОНЦЕПЦИИ КАПИТАЛИЗМА

Какие черты современного капитализма наиболее заметны и как эти черты проявлялись в прежние времена? В научной литературе фигурируют разнообразные понятия — аграрный капитализм, промышленный капитализм, финансовый капитализм, монополистический капитализм, государственный капитализм, кланово-кумовской капитализм и даже креативный капитализм. Какая бы конкретная разновидность капитализма ни определялась этими терминами, их коннотации почти всегда негативны. Это происходит потому, что слово «капитализм» было изобретено и затем использовалось критиками капитализма во времена первой глобальной экономики, которая явственно возвысилась после 1848 года, и распространения капитализма по всему миру до 1914 года. Однако в условиях возрождения глобальной экономики в начале XXI века ученые соглашаются с тем, что может быть много разновидностей капитализма и что в каждой из них есть относительные преимущества (Hall and Soskice 2001).

Четыре элемента, однако, являются общими для каждой разновидности капитализма, какими бы ни были ее характерные черты:

1. права частной собственности;
2. договоры, исполнение которых обеспечивается третьими сторонами;
3. рынки с чуткими ценами; и
4. оказывающее поддержку правительство.

Каждый из этих элементов должен взаимодействовать с *капиталом*, фактором производства, который каким-то образом воплощен физически или в зданиях и в оборудовании, или в мелиорации, или в людях со специальным знанием. Однако вне зависимости от того, какие формы он принимает, капитал должен быть долговечным и не эфемерным для того, чтобы иметь значимый экономический эффект. Это означает, что каждый из четырех перечисленных элементов должен иметь долговременную перспективу, длящуюся как минимум несколько лет, а предпочтительно несколько поколений. Капитал также должен быть производительным и, следовательно, использоваться в течение его экономического жизненного

цикла, который может быть короче его физической жизни из-за морального износа. Владение производственным капиталом, в какой бы форме он ни находился, может быть отделено от управления им, что приводит к открытому рассмотрению организации и процедур, созданных для использования, обслуживания, расширения и модификации основных фондов.

Однако помимо этих технических терминов, которые используют современные экономисты, чтобы объективно определить «капитал» для целей академических исследований, «капитализм» должен также рассматриваться как система, внутри которой эффективно действуют рынки для выработки ценовых сигналов, которые могут воспринимать и на которые могут реагировать все действующие лица — потребители, производители и регуляторы. Эффективность движимой рынком капиталистической системы зависит от стимулов, которые ее институты создают для всех действующих лиц, а также от открытости, которую она обеспечивает участникам системы для реагирования. Дуглас Норт определил институты как:

правила игры общества, а следовательно, [они] обеспечивают систему стимулов, которые формируют экономические, политические и социальные организации. Институты состоят из формальных правил (законов, положений, инструкций), неформальных ограничений (обычаев, кодексов этики, норм поведения) и эффективности контроля их исполнения. Этот контроль их исполнения осуществляется третьими сторонами (правовое принуждение, общественный остракизм), вторыми сторонами (возмездие) или первыми сторонами (применение к самому себе этических норм). Институты влияют на экономическую эффективность, определяя совместно с используемыми технологиями транзакционные и трансформационные (производственные) издержки, которые составляют общие издержки производства (North 1997: 6).

Помимо базовых элементов экономической деятельности, которые могут наблюдаться физически, история капитализма должна также обращать внимание на такие организации, как цеха, корпорации, правительства и правовые системы, которые функционируют внутри и определяют «правила игры». Далее, такие менее заметные элементы, как неформальные институты и типы мышления, которые направляют индивидуальные реакции на внешние условия, могут определять эффективность рынков в создании и последующем поддержании экономического

роста (North 2005). Непрерывное перераспределение ресурсов внутри экономики необходимо для поддержания экономического роста или для его возобновления после любого сбоя, вызванного такими внешними факторами, как война, голод, природная катастрофа, болезнь, или такими внутренними факторами, как финансовый кризис или ошибка руководства. Рыночные сигналы необходимы для того, чтобы перераспределить ресурсы и направить усилия, требуемые для продолжения или восстановления роста. Однако источник финансов для перехода к новому состоянию экономики может приводиться, а может и не приводиться в движение рыночными сигналами, в зависимости от существования рынков капитала и нужд командных экономик. Поэтому много внимания следует уделять источникам финансирования и их эффективному использованию в прошлом, особенно для финансирования дальней торговли и долговременных проектов, необходимых для поддержания экономического роста в условиях технологий того времени.

Более того, хотя настоящая рыночная система, с рынками труда, земли и капитала, а также потребительских товаров и услуг, имеет внутреннюю логику, она с неизбежностью встраивается в более широкие политические, культурные и социальные системы. Так что ценовые сигналы, генерируемые внутри капиталистической рыночной системы, должны воспринимать, и реагировать на них, политические, культурные и социальные группы, а также потребители и производители внутри экономики (Ogilvie 2007). Следовательно, капитализм может быть определен как сложная и адаптивная экономическая система, которая действует внутри более широких социальных, политических и культурных систем, которые в целом поддерживают ее.

Это функциональное определение капитализма приводит нас к поиску характеристик, которые могли существовать в других исторических условиях, когда экономический рост достигался на протяжении продолжительного периода (хотя бы пары веков, как в случае современного капитализма). Археологические свидетельства оседлого сельского хозяйства в сочетании с городскими комплексами устанавливают самый ранний предел для полезных исторических исследований сложных экономических систем, которые могут иметь или не иметь признаков зарождающихся капиталистических институтов. Например,

современная археология может установить состав источников пищи жителей древних поселений, чтобы определить разнообразие выращивавшихся культур и домашних животных. Следы оливкового масла, вина и сухофруктов могут указывать на то, что участники экономической деятельности планировали свои действия как минимум на несколько лет, что требовалось для выращивания оливковых деревьев, виноградной лозы, финиковых пальм до зрелого возраста и регулярного сбора урожая. Наблюдения с воздуха, которые показывают нам остатки ирригационных сооружений и каналов, а также древних приподнятых или террасированных полей вблизи концентрации поселений, также дают вероятное свидетельство образования капитала с длительным сроком планирования и повышенной продуктивности. Если с должным вниманием относиться к документам, которые были сохранены по тем или иным причинам, можно также опереться на данные об источниках финансирования и о проблемах контроля исполнения договоров. Глиняные таблички с арифметическими упражнениями и сравнениями различных алфавитов, обнаруженные на всем Среднем Востоке, указывают на возможное обучение специалистов по делопроизводству и распространению рыночной информации — очень специфическом виде человеческого капитала, который обнаруживается только в городских условиях.

Вопрос о том, могли ли эти ранние попытки обеспечить поток экономической деятельности с помощью надежных платежных систем и быть основой для долгосрочных экономических проектов, остается открытым для обсуждения, в основном потому, что свидетельства, необходимые для подтверждения связи финансового капитала с реальным капиталом, остаются расплывчатыми. Европейские ученые имеют преимущество в виде торговых счетов, корреспонденции и даже газет после изобретения печатного станка, а также архивов правовых споров и решений по ним. Однако ученые в остальном мире получают возможность открыть все больше сравнимых свидетельств о своих торговых предпринимателях, особенно после контакта с Европой. Хотя итальянское изобретение иностранного коммерческого векселя долго рассматривалось в качестве важнейшего элемента, содействовавшего подъему европейского капитализма, ясно, что арабские империи, появившиеся вместе с началом ислама в VII веке, использовали такие же финансовые ин-

струменты. И *hawala* (перевод кредита из одного места в одной валюте в другое место в другой валюте) и *saftaja* (перевод кредита из одного места в одной валюте в другое место в той же валюте) финансировали интенсивную торговлю арабских и других торговцев по всему Средиземноморью, в Центральной Азии и северной Индии (Памук, глава 8). В южной Индии задолго до контакта с европейцами, когда хлопковый текстиль без сомнения экспортировался в остальную Евразию, использовался такой же метод под названием *hundi* (Рой, глава 7). Китайские торговцы использовали в своей торговле *fei-ch'ien* («летающие», т. е. бумажные, деньги) или *pien-huan* (обмен кредитами) в качестве аналогичных финансовых инструментов (Thompson 2011: 98; Вонг, глава 6).

В случае Европы эти способы финансирования дальней торговли в итоге вступили во взаимодействие с технологиями финансирования войн, став финансовой основой европейского доминирования в мировой торговле в раннее Новое время (Neal 1990). Напротив, возникшие в более раннее время сравнимые империи, по всей видимости, финансировали военные действия своего рода налогом на капитал, что не только разрушало существовавшую платежную систему, но также расхищало прежние накопления торгового капитала. Хотя дальняя торговля поддерживала капитализм и экономический рост и поддерживалась ими, постоянные войны, восстания и набеги разрушали и капитализм, и экономический рост, делая конечный успех британской меркантилистской политики исключительным, как утверждает Патрик О'Брайен в главе 12.

Долгое время считалось, что современный экономический рост начался из-за индустриализации, проявившейся сначала в Великобритании, хотя предшественники индустриализации были известны на значительной части территории Европы, в цивилизациях Среднего Востока и особенно в Китае и Индии задолго до XVIII века. Поэтому большинство книг, содержащихся в каталогах в разделе «Капитализм, история», рассматривают достижения Западной Европы, начиная самое раннее с 1500 года (Appleby 2010; Beaud 2001), но обычно начиная с 1700 года (например, Broadberry and O'Rourke 2010). Затем, рассматривая XIX век и последующий период, они расширяют поле исследований, включая в основном Соединенные Штаты, Канаду, Австралию и, возможно, Японию и Россию.

Однако в последнее время ученые пытаются охватить намного больший временной (Graeber 2011; Гребер 2015; Jones 1988; Morris 2010) и географический диапазон (Parthasarathi 2011; Pomeranz 2000; Rosenthal and Wong 2011).

В духе этих инициатив мы полагаем, что сегодняшняя мировая экономика начала создаваться уже давно, и мы ищем начало «подъема капитализма» настолько далеко в глубине веков, насколько археологи способны обнаружить осязаемые свидетельства человеческой деятельности, которая соответствовала практике современного капитализма, если не была полностью ей подобна. Организованная рыночная деятельность, которая распространялась на значительные расстояния и, следовательно, имела длительный временной горизонт и долговременные структуры, оставила археологические остатки и разрозненные исторические записи. Наиболее полезны знаки росшей плотности населения с параллельным увеличением потребления на душу населения, что Джонс (Jones 1988) назвал интенсивным экономическим ростом, который сопровождался экстенсивным экономическим ростом. Эти кажущиеся противоречия с классической мальтузианской теорией о том, что рост населения до появления современного экономического роста должен был уничтожать временные увеличения дохода на душу населения из любого источника, могут быть названы «мальтузианскими сингулярностями»¹.

Различные свидетельства, полученные с помощью инструментов современной науки, убедили археологов и многих историков древнего мира, что высокие уровни дохода на душу населения появлялись эпизодически задолго до начавшегося в капиталистических экономиках современного экономического роста. Что еще интереснее, эти эпизоды обычно сопровождалось продолжительными периодами роста населения, а также техническими усовершенствованиями, которые, видимо, предвосхищали аспекты современных обществ с высоким доходом. Однако почему им в конечном итоге не удалось реализовать то, что могло стать гораздо более ранним достижением современного экономического роста и быстрого технологического прогресса, остается загадкой, однако такой загадкой, которая послужила причиной написания всевозможных предположительных версий истории.

Видимо, самые ранние свидетельства мальтузианских сингулярностей относятся к древним цивилизациям обла-

1. Джеймс Хаттон (Hutton 1795) ввел термин «сингулярность» в современной геологии, когда заметил два совершенно отдельных каменных пласта, накладывавшихся друг на друга у берегов Шотландии. Исследование возможных случаев таких сингулярностей по всему миру положило начало геологии как современной, по-настоящему глобальной науке.

сти, которая сейчас известна как Средний Восток, прежде всего к Вавилону и Египту. Наиболее интригующей в свете поздних исследований Средиземноморья является экономическая деятельность финикийцев (Aubet 2001; Moscati 2001). Финикийцы, несомненно, развивали города и рыночную структуру для обеспечения жителей продовольствием в обмен на специальные артефакты и защиту на протяжении очень длительных периодов — на порядки более длительных, чем эра современного капитализма, а их торговые пути покрывали все Средиземноморье и атлантическое побережье Африки. Например, археологи, изучающие Финикию, твердо верят в то, что около 425 года до н. э. финикийский адмирал Ханно первым обогнул Африку. Но они могут только догадываться об экономическом значении открытых ими артефактов и повседневной жизни обнаруженных ими финикийских городов, разбросанных по всему Средиземноморью.

В отличие от современных им цивилизаций в Месопотамии и Египте и более поздних — в Греции и Риме, имеется очень мало письменных свидетельств, которые могли бы просветить нас в отношении экономической организации финикийцев. Например, Обе (Aubet 2001) сделала вывод о том, что обширные финикийские поселения в Испании в основном были анклавными, созданными прежде всего для получения доступа к серебряным копям, расположенным вверх по реке от Кадиса, но как возникла и финансировалась оживленная торговля сначала из Тира, а потом из Карфагена, остается лишь догадываться. Обнаруженные археологами предметы роскоши, очевидно, привезенные в Испанию финикийцами, могут быть подарками местной племенной элите для инициирования выгодной финикийцам экспортной торговли, точно так же, как агенты Гудзонова залива дарили подарки ради торговли бобровыми шкурками в XVIII веке в Северной Америке (Карлос и Льюис, глава 15). Но остается неизвестным, как финикийцы организовывали, контролировали и поддерживали свою дальнюю торговлю.

В отношении более поздних цивилизаций современная археология располагает преимуществом, так как существуют классические тексты, которые являются богатой основой для оценки экономического значения вещественных источников, обнаруженных археологами в невероятных количествах. Постепенно расшифровываются огромные архивы глиняных табличек и булл, обнаруживаемые

в раскопках древнего Вавилона с конца XIX века и хранимые сейчас в музеях по всему миру. Группы археологов собрали воедино умопомрачительные детали хозяйственных записей, как храмовых, так и принадлежавших частным торговцам, чтобы дать нам убедительную картину оживленной экономики, существовавшей веками, начиная с 1200 года до н. э. в начале железного века и заканчивая завоеванием Месопотамии Александром Македонским в 332 году до н. э.

ПОДЪЕМ КАПИТАЛИЗМА В ПРИМЕРАХ

Михаэль Юрса (глава 2) представляет основанные на археологических источниках новые толкования экономического опыта древних экономик, опираясь на обширный анализ свидетельств о Вавилоне. В своей предыдущей работе (Jurša 2010) он сделал вывод о том, что Вавилон в VI веке до н. э. достиг более высоких уровней процветания, чем в более ранние периоды своей истории.

[Р]осла экономика, увеличивалась производительность (часто рыночно ориентированного) сельского хозяйства, существенная часть городского населения имела не связанные с сельским хозяйством профессии, наблюдалась высокая степень трудовой специализации, а экономика была в значительной степени монетизирована (Jurša 2010: 815).

Одним словом, то, что стало западным капитализмом, описанным в последующих главах, в своих основных чертах проявилось и было отражено в исторических документах задолго до возникновения греческих городов-государств или Римской империи. Тем не менее человеческая жизнь была ненадежна, многие оставались больными и голодными и даже представители элит могли быть произвольно подвергнуты смерти, их имущество — конфискации, а работников заставляли трудиться, не обеспечивая пищей и одеждой. Более того, обширные строительные проекты, осуществлявшиеся царскими властями, видимо, в основном финансировались за счет военной добычи, собранной во время постоянных набегов на окружающие территории, в особенности финикийские. Едва ли это было основой стабильного экономического роста и в еще меньшей степени внедряло в общество капиталистический образ мысли.

Экономическое процветание Вавилона сохранилось и в период господства Персии. Затем, в 331 году до н.э., оно было прервано завоеванием Александра Македонского и последующим делением бывшей империи на отдельные сатрапии. Тем не менее вплоть до возникновения ислама основные элементы экономического успеха Вавилона — ирригация полей с зерновыми культурами и рощи финиковых пальм в сочетании с отарами овец и стадами крупного рогатого скота, обеспечивавшие высокую продуктивность сельского хозяйства, — поддерживали высокие стандарты жизни в городах, созданных между двумя реками Месопотамии и вдоль них (Памук, глава 8).

Меж тем начали разрастаться греческие города-государства, доминировавшие в восточном Средиземноморье с 1000 года до н.э. и до подъема Римской империи. В процессе зарождения идеи республиканского правления и закладки интеллектуального фундамента западной философии они также смогли сочетать возрастающую плотность населения с ростом дохода на душу населения. Последние открытия современных археологов демонстрируют, что в Древней Греции наблюдался значительный интенсивный экономический рост, основанный на технических новшествах, разделении труда, обширной торговле и радикальных улучшениях в финансовой и договорной сферах, происходивший на фоне благоприятных институциональных рамок, как показано Аленом Брессоном в главе 3. Однако римские легионы произвели еще одну военную революцию, образовав постоянную профессиональную армию вместо наемных пехотных частей, которые предпочитали разрозненные греческие города-государства, сочетавшие легионы с поддержкой военным флотом в той форме, которая была хорошо отработана Афинами на пике их классической славы (Hale 2009). Распространяя греческие принципы в финансах, праве и исполнении договоров до самых дальних уголков растущей империи, римляне довели греческие прецеденты до еще более активного роста населения и уровня жизни. Как показал Виллем Йонгман в главе 4, в Западной империи и население, и доход на душу населения во II веке уменьшила Антонинова чума, а в Восточной империи прогресс остановила Юстинианова чума VII века.

Легендарный Шелковый путь, который веками пересекали ищущие выгоды торговцы, демонстрировал, что даже народы, ограниченные внутренним простран-

ством Евразии, могли заниматься дальней торговлей и создавать независимые технические новшества. Более всего известны согдийские торговцы, благодаря которым европейцы задолго до Марко Поло узнали о существовании Шелкового пути и о невероятном богатстве хана Хубилая в XIII веке. И здесь современные археологи нашли удивительные свидетельства процветания, сконцентрированного на торговых рынках Самарканда и Бухары, которые не только продолжительное время соединяли различные китайские государства с Черным морем и восточным Средиземноморьем, но и продлевали торговые пути на юг в Индию и на север до самой Балтики. Вся эта торговля, однако, велась под надзором воевавших друг с другом правителей, от чьей благожелательности зависела судьба разных торговцев, что, как показал Этьен де ла Весьер в главе 5, не являлось благоприятным фоном для подъема капитализма.

Все эти ранние эксперименты сочетания интенсивного экономического роста с экстенсивными торговыми связями в пределах Евразии и расширявшимися до Северной Африки, временами внезапно прекращались, но самым общим и глубоко проникающим был удар, нанесенный в середине XIV века «черной смертью». В то время вся Евразия и большая часть Северной Африки были активно вовлечены в дальнюю торговлю, и это стало причиной столь быстрого и полного распространения бубонной чумы по всему континенту (Abu-Lughod 1989). В главах с 6 по 8 рассказывается о великих цивилизациях, участвовавших в евразийской торговле до «черной смерти» и затем по-разному реагировавших на разрушение торговли и гибель населения до наступления Нового времени.

Императорский Китай в то время занял ведущую позицию самой развитой и густонаселенной страны в мире. Рой Бин Вонг в главе 6 прослеживает сложность политического и экономического устройства Китая в условиях последовательных эпидемий чумы, голода и варварских нашествий, усугубленных морскими варварами, от их первоначального контакта до восстания тайпинов, длившегося с 1850 до 1864 год. Вместо того чтобы рассматривать длинный путь истории Китая как абсолютный восточный деспотизм, основанный на контроле и поддержании крупномасштабных ирригационных систем, он находит, что масштаб империи накладывал ограничения на командные возможности центрального правительства и оно

было вынуждено договариваться со своими подданными, особенно с местными элитами, для создания желательных для них условий. Это означало поддержку рынков земли, труда, товаров первой необходимости и предметов роскоши, а также институциональные установления, которые развивались в течение длительного времени и доказали свою жизнеспособность на протяжении последовательной смены династий. Проблема ограниченности ресурсов, с которой столкнулось общество, имевшее по европейским стандартам высокую плотность населения, была сложна, однако нашла свое решение, в мягкости налогообложения при отсутствии долгосрочных займов центрального правительства и частных корпораций, в противоположность европейскому стилю капитализма.

Тиртханкар Рой в главе 7 исследует индийский субконтинент, где различные военные государства стремились установить и устанавливали господство во внутренних районах страны, а ряд торговых портов пытались извлечь выгоду из торговых связей как с остальной Азией, так и с соперничающими империями на западе, пока динамичная деятельность Английской Ост-Индской компании не подчинила себе и конкурирующих военных вождей и морских торговцев. Коммерческие центры все больше ориентировались на запросы европейских рынков, но за счет традиционной промышленности, особенно изделий из хлопка. Индийский хлопковый текстиль стал первой жертвой деиндустриализации, которая столь широко охватила мир в XIX веке. Военные вожди в глубине страны отступили на свои первоначальные территории, где они могли сохранить приносящие ренту привилегии. Разрушительные экономические последствия политического правления ищущих выгоду корпораций, которые Адам Смит высмеивал на примере правления Голландской Ост-Индской компании на Островах пряностей и на Индонезийском архипелаге в XVIII веке, стали еще более очевидными во времена правления Английской Ост-Индской компании в Индии XIX века.

Шевкет Памук в главе 8 прослеживает поучительную историю возникшей после «черной смерти» Османской империи и сопровождавшей ее экономической практики от самых истоков в возникновении ислама в VII веке. Хотя Средний Восток претерпел значительные институциональные изменения в века, предшествовавшие «черной смерти», а также и после, элита независимых торго-

вых городов не играла такой важной роли, как в Западной Европе (и ранее в финикийских и греческих городах-государствах). Города часто находились под управлением центральных властей и их приоритеты определяли экономическую реакцию местных ремесленников и торговцев. И не география, которая была вполне благоприятна для торгового взаимодействия, и не религия, которая оказалась вполне приспособляемой под воздействием экономических факторов, а заинтересованность центральных властей в установлении стабильных иерархий ограничила реакцию Османской империи на проблемы, возникшие в XIX веке в результате экономического подъема западно-европейских стран.

Карл Гуннар Перссон в главе 9 анализирует, как конкурировавшие государства, образовавшиеся из остатков Западной Римской империи, пытались отстоять свою независимость от захватчиков-грабителей, какого бы происхождения они ни были, и некоторую степень экономической самодостаточности в свете распада традиционных торговых связей. Выдвинутая Евсеом Домаром трилемма (Domar 1970) о том, что свободный труд, свободная земля и ищущие ренты землевладельцы не могут сосуществовать долго, оказалась верной в отношении средневековой Европы. Но все возможные решения трилеммы — принудительный труд, ограниченный доступ к земле или поиск внешней защиты от отбирающих ренту землевладельцев — были опробованы по всей средневековой Европе. Новые модели торговли между сотнями появившихся независимых государств создавали почву для подъема капитализма в Западной Европе. Объяснение крепостничества в России, которое дал Домар, оказывается, применимо только к России, так как только там землевладельцы могли призывать высшую власть для реализации крепостного права. Во всей остальной Европе распространялся свободный и мобильный труд, особенно в городах, возникших вдоль традиционных торговых путей.

Разнообразные эксперименты внутри Европы вели к подъему капитализма в том виде, в каком он возник в последующие века. Лучано Пеццоло в главе 10 сравнивает восстанавливавшиеся после опустошения «черной смертью» города-государства Геную, Венецию и Флоренцию, каждый со своей особенной политической системой. Все три в значительной мере опирались на семейные связи, что было характерно для поздних капиталистических

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru